

 НФБ: МИРЫ ЕВГЕНИЯ ЩЕПЕТНОВА

Евгений ЩЕПЕТНОВ

НИЩИЙ

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Щ56

Иллюстрация на переплете *Андрея Клепакова*

Щепетнов, Евгений Владимирович.

Щ56 Нищий / Евгений Щепетнов. — Москва : Эксмо, 2025. — 512 с. — (Новый фантастический боевик).

ISBN 978-5-04-206585-9

Его забыло государство, которому он отдал свое здоровье, он опустился на самое дно... и вдруг попадает в параллельный мир — мир, где магия обычна, где живут гномы и эльфы. Он начинает с профессии нищего и, используя свои способности офицера спецназа, поднимается все выше и выше, становясь магом и воином. Он путешествует через моря, бьется с пиратами, находит друзей и любовь... Это рассказ о человеке, который выживает всегда и везде.

УДК 821.161.1-312.9
ББК84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-206585-9

© Щепетнов Е.В., текст, 2025
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2025

Пролог

В подземелье было темно, и лишь свет из далекого люка, в который сквозь решетку стекались нечистоты из канав вдоль мостовых, освещал тоннель. Седой осторожно сделал несколько шагов, сцепив зубы от боли, — изорванная осколками нога отказывалась работать в такой сырости, да еще при перемене погоды, но он привычно преодолел себя и двинулся дальше. За углом послышался шорох... Седой медленно освободил из палки, на которую опирался, стальное жало стилета и замер.

— А-а-а-а-а! — Вдруг выпрыгнул из темноты человек плотного телосложения, рассекая воздух огромным тесаком. — Урод, умри!

Седой автоматически уклонился от удара, переместив вес на здоровую ногу, и выбросил стилет вперед, пронзив грудь нападавшего — тот захрипел и мешком опустился на грязный пол тоннеля, заваленный обломками деревьев и гниющими нечистотами. Седой вытер клинок о его одежду и мягко вставил на место в палку, потом на ощупь, матерясь про себя и пачкаясь в крови, обыскал труп.

— Кошель, нож, магический амулет... непонятно какой, тесак... упс! Это что за бумага? Уж не объявление ли о награде за мою голову? Якоря нет, а его деяния живы? Потом почитаю.

Он спрятал свиток за пазуху и, шаркая и подволакивая больную ногу, пошел вперед, как подбитый ядовитый паук.

Глава 1

Первое, что я увидел, открыв глаза, — плавающее над головой лицо, сморщенное, как орех, с гнилыми зубами, издающими невыносимый запах, как будто что-то давно протухло и догнивает последние дни. Я уже встречал в жизни такого человека — Сергея Ткачука — на вид интеллигентного, в очках и костюме, от которого исходило такое зловоние изо рта, что рядом с ним нельзя было сидеть, не отвернувшись в другую сторону. Зловонное лицо что-то сказала, я не мог распознать, что именно, и переспросил:

— Что?

— Аракак суран ху?

— Не понимаю! — Я с тупой обреченностью стал всматриваться в старика — а это был именно старик. — Я не понимаю, что вы говорите!

Старик сказал еще несколько фраз, потом отчаялся что-то мне втолковать, схватил за руку и потянул за собой, показывая на небо. Я с трудом поднялся, искал рукой свой батожок, нашел, оперся на него и встал, покачиваясь, как корабль на крупной зыби. Голова закружилась, стало дурно, и меня вырвало на булыжники мостовой утрешним беляшом, которым закусывал паленую водку. Старик покачал головой — похоже, запах перегара донесся и до него. Я возмутился: с таким-то «ароматом» изо рта, да перегар одеколоном покажется! При мысли об одеколоне меня

тоже чуть не вырвало — пил я и его... что попадалось, то и пил.

После того как меня комиссовали из армии, изрубленного осколками гранаты и исполосованного пулями, мне оставалось или наркоманиться, или же пить горькую, чтобы забыть. Забыть войну, забыть кровь, забыть эту боль, которая терзала мое израненное тело днем и ночью. И вот теперь я — старший лейтенант, бывший десантник, разведчик — находился на пустыре, неизвестно где, рядом с вонючим стариком в диких обносках.

Мать у меня умерла, когда я был еще на войне, я даже не смог попрощаться с ней — в это время мы как раз отбивались в окружении сотен «воинов Ичкерии», недовольных тем, что мы разгромили их базу в горах. Если бы не вертолетчики, раздолбавшие их и сделавшие нам проход на волю, я не стоял бы сейчас на этом грязном пустыре. Много раз я думал: а зачем? Зачем я остался жив? Сейчас бы лежал рядом с матерью и отцом, за одной оградкой, и мы наконец-то соединились бы, стали одной семьей. Отец погиб раньше, в Заводском районе, где мы жили всегда. Он шел на ночную смену, и его зарезал наркоман в поиске жалких грошей, — ну что он мог взять у мужичка с авоськой, в которой тот носил на работу свой нехитрый обед? Я решил тогда для себя: надо вырваться, вырваться из этой безнадёги. Но куда я мог пойти, здоровенный пацан, рост сто девяносто сантиметров, учившийся в школе номер одиннадцать, где быть отличником считалось западло. Их называли лохами и ботанами и били, вымещая на них свою злобу и зависть, — так всегда поступали с теми, кто был слабее или умнее.

Мне была дорога или в бандиты, или в армию. Кстати, безразлично: и то и другое было для меня

равнозначно, вот только в бандитах — недолгий срок «красивой жизни», а потом ты труп, а в армии нет красивой жизни, но при удаче — как-то можно выбраться, да и подзаработать тоже.

Я выбрал армию. Сумев поступить в десантное училище, я быстро там выдвинулся в первые ряды. Главное было соблюдать правила — и тебя накормят, напоят, скажут, что делать, — и мозг не нужен. Главное — быстрая реакция, твердые мышцы и четкое выполнение приказа. После выпуска я попал на переподготовку — специальные курсы разведки, где учили убивать наиболее эффективными способами, от автоматических гранатометов, до удавки и шила, а еще — хоть немного думать, планировать операции. Так я стал командиром разведроты — это было ее официальным названием, но на самом деле она являлась карательным отрядом. Мы ходили в тылах боевиков и вырезали всех, на кого нам укажет перст командования. Много пришлось пролить крови, до сих пор мне снятся лица убитых. Может, это и привело к тому, что я стал законченным алкоголиком?

Но как бы то ни было, в итоге я стал беспомощным и никому не нужным инвалидом — без профессии, без денег и без здоровья. Если бы не мое чудовищно тренированное тело, я давно бы сдох под забором, но организм все сопротивлялся — печень не хотела умирать, хотя я убивал ее литрами мерзкой «паленки», а мышцы, пусть и слегка обмякшие после года лежания в госпитале, могли легко порвать любого, кто осмелится мне перечить. Трижды я был в отделении милиции, за пьяный дебош. Дважды какие-то сопляки насмеялись над моей ковыляющей походкой — я переломал им ребра, но и меня хорошенько запинали.

Ну что я, калека, с почти не сгибающейся правой ногой, мог сделать против двадцати уродов, которые кричали «алла акбар» и насмехались над стариком — однако я сделал, что мог, как всегда бился до последнего.

Один раз попал в милицию за то, что избил соседа, толстомордого хряка, который ставил свой «Мерседес» носом прямо к крыльцу, ведущему в подъезд. Ему было так удобнее, а когда я попросил его убрать машину, потому что всем трудно проходить, особенно мне, он заявил, что ему плевать на всех, а особенно на такого... алкаша. Его потом едва откачали, после удара в солнечное сплетение, — чистый нокаут. Если я и выглядел как старик — седой, заросший поседевшей бородой, так под моей одеждой скрывались еще не умершие мышцы, и тело знало, как их использовать.

Мне было всего тридцать лет, а выглядел я как семидесятилетний старик. Волосы на голове были белые как снег, а моя густая борода седа, как у столетнего аксакала. В общем, последние три года я усиленно добивал себя. Покончить с собой не хватало духу, да и стремно как-то — зачем тогда Бог вынес меня из чеченской мясорубки? — но и жить не хотелось. Орден Мужества лежал в шкапулке, единственной вещи, сохранившейся от матери. Остальное я раздал или продал за копейки в приступах пьяного угара.

Старик опять прикрикнул, и я заковылял за ним, перебарывая знакомую боль в ноге. Мне не впервой было по пьянке просыпаться в незнакомых местах, но этого я никогда не видел раньше. Это был большой пустырь на краю города. Уже смеркалось, а в городе не горело ни одного фонаря, по булыжным мостовым с грохотом ехали

одинокие, запряженные лошадьми повозки — от простых телег до карет. Я с удивлением тряхнул головой — что за наваждение? Где я? Голова разболелась еще больше, думать не хотелось — все потом. Обдумаю. И я двинулся за стариком, уже заворачивающим за угол старого строения с проваленной крышей.

Мы шли еще минут пятнадцать, наконец он что-то сказал, показал рукой на нору, ведущую под большой дом, и нырнул в нее — сразу, как провалившись в преисподнюю. Я последовал за ним. Оказалось, вниз вела лестница, очень крутая, и, если не знать, что там ступеньки, можно было слететь и как минимум набить себе синяков и шишек, а может, и сломать шею. Я все-таки удержался на ногах и медленно, опираясь на палку, сполз вниз. Лестница упиралась в дверь, висевшую на толстых железных петлях, за ней находилась довольно большая комната — видимо, раньше это был или склад, или какое-то другое подвальное помещение — в углу стоял стол, на котором старик уже разжег свечу, бросающую неровные отблески пляшущего пламени на грубые каменные стены, украшенные потеками и пятнами плесени. Он показал на табуретку возле стола, и я сел, пытаюсь понять, на каком он языке говорит? Его речь ни на что не была похожа, хотя он и пытался объясниться на разных языках — фраза повторялась, и было ясно, что он спрашивал: кто я такой и откуда взялся?

Свеча стала оплывать и затрещала, старик с удовольствием что-то сказал и достал из каких-то тряпок, опасливо оглянувшись на меня, непонятный предмет, чем-то похожий на лампу Аладдина. Он поставил его в центр стола и сказал какое-то

слово, что-то вроде «абракадабра», и предмет засветился не очень ярким, но ровным неоновым светом. У меня от удивления чуть не отпала челюсть — а старик засмеялся и сказал:

— Амбак! — показывая на светильник. — Ма-сунта амбак! — Потом посмотрел на меня и ткнул себя в грудь: — Катун! — Ткнул в мою сторону: — У?

— Виктор!

— Витор? Витор! Витор. Катун — Витор! Амбак!

Следующий час мы посвятили обучению меня языку, и за это время мой словарный запас пополнился несколькими десятками слов — мой проспиртованный и контуженый мозг еще не до конца умер, а при спецподготовке меня научили запоминать на слух много различной информации, не доверяя бумаге. Да и я, вообще-то, всегда отличался хорошей памятью и способностью быстро изучать языки. До полного понимания еще было очень и очень далеко, но теперь я хотя бы мог высказать простые желания: есть, пить, сходить в сортир.

Старик заметил, что у меня бурчит живот, достал из-под стола котомку и стал выкладывать на стол еду — куски не очень аппетитного на вид мяса, непонятно какого происхождения. Я не стал задумываться, что это за мясо, и впился зубами в темные жилистые ломтики. Мне приходилось во время блуждания по «зеленке» есть и менее удобоваримые вещи. Пошарив, старик достал снизу стеклянную бутылку, литра на полтора, грубо сделанную, явно не фабричного производства, и поставил на стол, потом разлил содержимое в две глиняные залапанные кружки. Я поднес кружку к носу и понюхал — пахло чем-то вроде пива, только запах был кислым и незнакомым. Попро-

бовал — точно пиво. Какое-то жидкое — похоже, разбавленное.

У меня кружилась голова, и я чуть не упал со стула, ослабев от еды и питья. Я никак не мог вспомнить, как я оказался в этом городе и почему здесь нет электричества, автомобилей и асфальта. Старик поддержал меня под руку, предлагая пройти к топчану возле стены, я с трудом поднялся и скоро лежал на боку, глядя на сияющую лампу и суетящегося старика, потом глаза мои закрылись, и я уснул.

Открыв глаза, я долго не мог понять, где я, наконец — вспомнил. Какой-то подвал, старик, странный город. Попытался встать, со второй попытки это получилось. Присев на топчане, я попробовал осмотреть темный подвал. Старика не было, и я встал и пошел к двери, захватив свою палку, заранее припасенную возле меня Катунном — больше некому было сунуть ее мне под бок. Свет наверху ударил по моим глазам, уже привыкшим к темноте подвала, я прикрыл их рукой и несколько минут не мог ничего увидеть, потом терпелся и стал смотреть на мир.

От вчерашнего дождя, загнавшего нас в подвал, не осталось и следа — мокрые стены строений блестели на солнце, булыжные мостовые были заполнены телегами, спешащими куда-то людьми, на небе сияла большая радуга, упирающаяся в землю своим разноцветным коромыслом.

Я автоматически подумал: «Вон там закопан горшок с золотом, — и усмехнулся. — Мечты, мечты... Впрочем, что бы я с ним сделал, с горшком этим? Пропил? А вдруг бы мне хватило, чтобы вылечить свою больную ногу и зажить другой, не такой растительной жизнью?» Я сплюнул и оста-

вил свои мечты — надо думать о реальном, а не витать в фантазиях. Посмотрев на яркий шар солнца, вдруг вспомнил: последнее, что я видел перед тем, как почуять запах гнили изо рта старика, это сияющий шар. Какой шар, где этот шар? — вспомнить не мог.

Я двинулся дальше, подойдя к краю булыжной мостовой. Дома напоминали картинки из исторических книг, а вдоль пешеходной части тянулись длинные зловонные канавы, из которых дождевая вода с грохотом уходила куда-то вниз, через решетки ограждения — вероятно, там были сливные канализационные тоннели наподобие парижских. По улице двигались люди, непрерывно что-то галдя, — кто-то тащил поклажу, кто-то просто прогуливался. Я перешагнул по мостику через канаву и влился в поток горожан.

Пройдя метров пятьдесят, я чуть не был задавлен огромной каретой, колесо которой задело мне плечо и едва не отшвырнуло в канаву. Я зажал плечо и зашипел от боли, из кареты высунулась изящная женская рука в перстнях и кинула мне под ноги что-то блестящее. Я поднял — это была небольшая монета, похожая по размеру на татарский дирхем, только с портретом важного мужика и с непонятными надписями на обратной стороне. Такой я никогда не видел, хотя интересовался нумизматикой и считал, что кое-что в ней понимаю. Я спрятал монетку в карман своих затертых смесовых штанов, мало отличающихся от нарядов простых горожан, и пошел дальше, рассматривая дома, улицы, людей. От меня воняло так же, как от них, а моя нечесаная шевелюра и седая клочковатая борода делали меня похожим на большинство прохожих.

Через километр у меня сильно заныла нога, и я присел на камень у какой-то вывески с изображенным на ней бравым рыцарем — или не рыцарем, но в общем мужиком, с поднятыми вверх усами, в кольчуге и с мечом. Усы он молодецкато поднимал левой рукой, а в правой держал кружку с пенистым напитком. Как я понял, это было какое-то питейное заведение типа трактира, в чем я скоро убедился — из него выпали трое одетых в железо мужичков, громко горланящих что-то веселое и разудалое типа «Любо, братцы, любо, любо, братцы, жить!..» Один из них заметил меня, что-то сказал своим собутыльникам, пошарил на поясе и бросил мне монету — тоже, как оказалось, серебряную. Я поднял ее, осмотрел и положил ко второй. Выпивоха отсалютовал мне, и мужики, обнявшись, пошли дальше.

Я сидел ошеломленный. Было понятно, что я, скорее всего, не на Земле. Ни монеты, ни мужики в потертых кольчугах, ни улица с ее экипажами и прохожими в сырмятных куртках не давали мне повода в этом усомниться. Можно было бы подумать, что я попал в прошлое, но язык не был мне знаком, а меня в спецшколе заставили выучить и немецкий, и английский. Этот же язык не походил ни на один из романо-германских, совершенно точно. По принципу отбрасывания того, что мне не потребуется в данный момент жизни, я решил для себя: вначале надо выучить язык, а уж потом пойму, где я, как я и что мне делать. Денег, за исключением тех, что мне подали, у меня не было, идти, кроме как к Катуну в подвал, — некуда. Так что оставалось лишь смотреть и впитывать информацию.

Я просидел часа три и, как ни странно, за это время набрал неплохую сумму денег — возможно,

мой вид был настолько жалок, что люди волею-неволей кидали мне монетки. Мне даже стало смешно — надо же так опуститься, до попрошайки, — куда уж ниже. Но мой промысел приносил хороший доход и позволял какое-то время выживать в этом мире, а это уже неплохо. Боец должен использовать любую возможность уцепиться за жизнь и выполнить задание любой ценой — я это усвоил четко и давно. Только какая у меня цель? Выжить. А цель появится...

В подвале было темно, как и раньше, старика там не оказалось, и я не стал спускаться вниз, а пристроился на дощечках возле входа в нору, положив доску на чурбачки, найденные тут же. Через полчаса ожидания я услышал шаги и сипение — Катун волок большую сумку. Увидев меня, он махнул рукой — помощи, мол. Я взял сумку за другую ручку, и мы стали осторожно спускаться в темный зев подвала. Старик достал магическую лампу и активировал. Сразу стало уютнее. Катун стал вынимать из сумки куски копченого мяса, лепешки, зелень, торжественно извлек высокую оплетенную бутылку, хлопнул себя по горлу — выпивка, мол.

Я торжественно достал из кармана добытые сегодня монеты и высыпал их на стол. Старик вытаращил глаза удивленно и пересчитал. Что-то спросил — я изобразил, что стою с протянутой рукой. Он не обрадовался, а укоризненно покивал головой из стороны в сторону — типа ай-ай. Потом показал мне пальцем — сейчас, мол, и достал из пояса какую-то брошь с письменами на ней, а потом сделал знак, чтоб я приложил ее к голове. Я приложил, и он стал учить меня новым словам. С изумлением я понял, что слова впитываются мне в мозг просто молниеносно, и я тут же понимаю